

Елочные базары в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX вв.

Елена Душечкина

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

В основе понятия гетеротопия лежит представление о «другом месте». Однако поскольку «другое место» всегда является другим по отношению к любому соседнему или отдаленному от него, то из этого следует, что все (то есть каждое место) может быть, в зависимости от ситуации, названо гетеротопией. Это понятие отличается крайней степенью субъективности его восприятия. Быть или не быть ему «другим местом» зависит не столько от самого места, сколько от воспринимающих его личности или социума. В сознании оно запечатлевается как некоторая часть пространства, занятого чем-то или обладающего какими-либо особенными чертами, что и делает его отличающимся от всего того, что в данный момент может быть названо *фоном*. Я не исключаю того факта, что Мишель Фуко, употребив в одной из своих лекций 1967 г. слово *гетеротопия* (Фуко 2006: 191–204), вполне сознательно не стал разрабатывать его как термин и практически никогда к нему не возвращался¹. Мне представляется, что это слово было придумано им (заимствовано из медицинской терминологии) почти случайно и оттого впоследствии неоднократно порождало сбивчиво-путанные толкования и разноплановые его использования. Однако слово понравилось и, несмотря на то что аналогия с медицинской его трактовкой (где гетеротопия относится к врожденным аномалиям развития организма) представляется весьма сомнительной, было подхвачено гуманитариями, превратившись в термин и породив к настоящему времени достаточно обширное поле исследований.

Рассмотрим это понятие на простейших примерах. Лужа, например, – это «другое место» (гетеротопия?) по отношению к сухим поверхностям вокруг нее; и наоборот – сухие поверхности могут восприниматься как гетеротопии по отношению

¹ Второй раз Фуко использовал слово *гетеротопия* при сравнении утопии и гетеротопии в литературе. См.: Фуко 1977: 34–35.

к луже. Все зависит от того, *что* в данный момент важнее и содержательнее для воспринимающего, на что обращено его внимание в первую очередь. По какой причине возникает концентрация мысли именно на этом «другом месте», почему сознание выбирает именно его, далеко не всегда объяснимо и не всем бывает понятно. Так, выведенный на прогулку двухлетний мальчик, только что начавший говорить, всякий раз, увидев очередной канализационный люк, останавливается и, вдумчиво глядя в него, повторяет: «Люк... Люк... Люк...». Для окружающих это *фон*, часть тротуара или мостовой, обычно не привлекающий к себе внимания (в том случае, конечно, если этот люк закрыт и не представляет опасности). Для ребенка (в нашем примере) – это, безусловно, самое что ни на есть «другое место», непонятое, отличающееся от всего иного и в высшей мере загадочное или таинственное, а может быть, и таящее в себе некую опасность. И потому понятие гетеротопии можно считать понятием субъективным и в определенной степени условным.

И, тем не менее, включаясь в игру «в гетеротопии» и принимая правила этой игры, я выдвигаю понятие *сезонной гетеротопии* как одной из ее специфических разновидностей. В данном случае гетеротопия оказывается обусловленной временем года или каким-то определенным периодом, что отличает ее от других, безразличных к сезону явлений с характеризующими данный сезон климатическими признаками и календарными отличительными особенностями. Это позволяет назвать сезонными гетеротопиями такие пространства, как каток (если это не искусственный каток), пляж, места проведения календарных праздников, ярмарки и фестивали, устраиваемые в одно и то же время в одном и том же месте, что, кстати, уже не раз рассматривалось без привязки ко времени². Сезонные гетеротопии, тесно связанные с календарным периодом, могут эволюционировать, меняя свое пространство, расширяясь или сужаясь, либо вообще исчезать навсегда или же на какой-то период времени. Так, в дохристианскую эпоху в культуре германских народов можно отметить сезонную гетеротопию, обусловленную обязательным наличием в ней елового дерева. В день зимнего солнцестояния люди приходили в лес и, найдя подходящую для них елку, совершали возле нее новогодние обряды. Нет необходимости обозревать все этапы европейской по своему происхождению сезонной гетеротопии, связанной с елью (равно как и с любым другим деревом или растением в неевропейских культурах). Пространство в лесу вокруг ели, где производились обрядовые действия в языческие времена, помещение с поставленной на стол елкой с горящими на ней свечами в начальные годы христианства, городская площадь с установленной большой елью – все это однородные сезонные гетеротопии. Их родственность обусловлена обрядовой функцией ели, одинаково важной для каждой из них. Наличие дерева в «другом месте» в определенное время годового цикла и составляет его суть, делая его «другим» на фоне окружающего «безразличного» пространства. Меняется место (лес, помещение, городская площадь), но остается время (дни зимнего солнцестояния) и предмет почитания (елка).

² См., напр.: Хачатуров 2012; Шумихина 2010 и др.

Так, в Петербурге в течение первых десятилетий XIX в. на святках «другими местами» в основном были дома петербургских немцев, составлявших в те годы едва ли не треть населения столицы. По преимуществу только в этих домах в Рождественский Сочельник устанавливались елки и устраивались торжества для детей в ее честь. Именно эта картина изображена А. Бестужевым-Марлинским в повести *Испытание*:

На столе, в углу залы, возвышается деревцо <...> Дети с любопытством заглядывают туда <...>. Наконец наступает вожделенный час вечера. – Все семейство собирается вместе. Глава оного торжества срывает покрывало, и глазам восхищенных детей предстает Weihnachtsbaum в полном величии... (Бестужев (Марлинский) 1988: 33).

На протяжении 1830-х гг. в российской столице постепенно происходит изменение (и расширение) пространства «присутствия елки». Известные немецкие и швейцарские кондитеры (Вольф, Беранже, Пфейфер, Доминик и др.) начинают организовывать продажу елок, уже, так сказать, готовых к употреблению – с висящими на них фонариками, игрушками и произведениями так называемой кондитерской архитектуры. Именно кондитерские заведения в этот период принимают на себя роль наиболее заметных и значимых для населения столицы сезонных гетеротопий. Разумеется, такие елки по причине их дороговизны раскупались в первую очередь членами состоятельных семей. Судя по откликам в печати и в литературе, петербургские кондитерские, продающие елки, несомненно, были «другими местами», привлекавшими к себе в предрождественский период повышенное внимание публики и воспринимавшимися как *особые* на привычном фоне пейзажа и интерьера «святочного» Петербурга. Об этом ежегодно в декабрьских номерах своей газеты *Северная пчела* писал Ф. Булгарин, превращая свои заметки в рекламу елок, активно входивших в моду:

Место не позволяет гг. Вольфу и Беранже иметь готовые елки, но у гг. Доминике, Излера и Пфейфера они удивительно хороши и богаты <...> чего тут только нет!.. Картонные игрушки, называемые сюрпризами, отличаются ныне удивительным изяществом. Это уже не игрушки, а просто модели вещей, уменьшенные по масштабу. Елки у г. Пфейфера с транспарантами и китайскими фонарями, а у гг. Доминике и Палера также с фонарями на грунте, усеянном цветами. Прелесть да и только! (*Северная пчела* 1840: 1)

Если желаете иметь елку великолепную, так сказать, изящную, закажите с утра г. Излеру, в его кондитерской, в доме Армянской церкви, на Невском проспекте. Тогда будете иметь елку на славу, которою и сами можете любоваться. Обыкновенные, но прекрасно убранные елки продаются в кондитерской г. Лерха... (*Северная пчела* 1842: 1).

По мере того как в России распространялся обычай использовать елку в качестве атрибута рождественской обрядности, места их продажи менялись, умножаясь и распространяясь по всему городу. Уже к концу 1840-х гг. основным местом торговли елками становится пространство больших площадей, куда крестьяне привозили

деревья из окрестных лесов. До поры до времени площади являлись просто пунктами торговли елками, не выполняя при этом никаких дополнительных функций.

Все изменилось к концу XIX в. Рубеж веков оказался периодом расцвета елочных базаров и в Петербурге, и в других крупных городах Российской империи. К этому времени елка окончательно вписалась как в домашний праздничный интерьер, так и в рождественский городской пейзаж. «<...> В настоящее время и праздник не в праздник без красавицы елки» (Петров-Водкин 1970: 108). Утвердилось представление о том, что разукрашенное еловое дерево испокон веков было обязательной принадлежностью русского Рождества: «Елка в настоящее время так твердо привилась в русском обществе, что никому и в голову не придет, что она не русская», – писал В. В. Розанов в 1906 г. (Розанов 1906: 152). В начале XX в. под этими словами могли бы подписаться многие: привычность елки, ее освоенность привели к тому, что она стала восприниматься как народный по своему происхождению обычай. Кроме того (что очень важно), именно в этот исторический период праздник Рождества, долгое время отмечавшийся в России как сугубо религиозное торжество, выходит за пределы православного храма (куда елка не допускалась), превратившись в светский праздник, в котором елка заняла центральное место. С рубежа XIX и XX вв. и вплоть до Первой мировой войны в конце декабря елочный ажиотаж ежегодно охватывал людей всех поколений и всех сословий столицы. Рождественский сезон с неизменной елкой изменял привычный ход жизни, сказываясь на атмосфере, настроении, деятельности, материальном положении людей. Елка всех втягивала в сферу своего влияния: наступало ее время, начинались «деятельные приготовления на ёлку» (Бахтиаров 1994: 192).

Елочные базары или, как их еще называли, елочные торги притягивали к себе всеобщее внимание, превращая их в особые, «другие места». Площади, на которых продавались елки, по вполне понятным причинам оказывались в центре предпраздничной жизни города – с них начинало формироваться «другое», рождественское и новогоднее городское пространство. Наличие елочных базаров в тех местах, где их не бывало в другое календарное время, дает право назвать их главными сезонными гетеротопиями святочного периода.

Говоря о елочных базарах, следует указать на то, что в создании особой атмосферы этих гетеротопий принимали участие все слои городского (а часто – и пригородного) населения. Крестьянам необходимо было обеспечить город достаточным количеством деревьев на любой вкус и на любой спрос. Заготовка елок началась за неделю до Рождества. Для лесников и крестьян из пригородных деревень продажа елок превращалась в один из сезонных заработков: «Лесники потирают руки...» (Бахтиаров 1994: 192); «Рубит мужик елку; // Продаст в городе за полтину...» (Горянский 1966: 149). Рискуюя быть оштрафованными за порубку чужого леса, крестьяне все же не упускали случая «украсть в лесу несколько елок», дабы не остаться на праздниках «не только без водки, но даже и без хлеба» (Будищев б. г.: 138). Порубщики подтаскивали деревья к саням и увозили их из лесу так, чтобы к

рассвету все было завершено. Наутро они уже продавали в городе свой «зеленый товар» (И. Грэк 1900: 5).

Доставленные в город елки свозились на места торга, которые и представляют для нас особый интерес в свете сезонных гетеротопий. В больших городах такие места не были единичны. Обычно они возникали на многолюдье: у Гостиных дворов, на площадях, на рынках. В Петербурге главный елочный базар вначале был у Гостиного двора, а позже – на Петровской (Сенатской) площади. Однако обзавестись елкой можно было и на Сенной, и на 4-й линии Васильевского острова (возле Академии художеств), и в ряде других мест. Потребность в елках была столь велика, что торговля ими стихийно возникала во многих местах. Торговали елками и лавки – зеленые, мелочные и даже мясные. Привезенные деревья выставлялись у входа правильными рядами, часто – уже поставленные на крестовины, а иногда и наряженные.

Елки предлагались на любой вкус: и маленькие, разукрашенные искусственными цветами, и «елки-великаны», которые «гордо возвышались» «во всей своей естественной красе», и никогда не выдавшие леса искусственные, неестественно яркие «елки-крошки» (Бахтиаров 1994: 193). Елочные базары привлекали к себе внимание и вызывали интерес всех слоев городского населения. Здесь шла особая жизнь, рождались свои, связанные с продажей елок сюжеты, велись разговоры, возникали ссоры и даже ругань, завязывались знакомства и пр. Около деревьев толпились мужики в тулупах, ревностно следя за сохранностью своего «имущества». В ожидании покупателей они жаловались на питерскую слякоть, говоря, что такую погоду, конечно же, «послали немцы» и что будь сейчас мороз, елки бы раскупались лучше (Лейкин 1880: 1).

На елочных торгах устанавливалась особая атмосфера, отличающая их от других мест города – радостная, возбужденная, но, вместе с тем, и деловая. Продавцы любыми способами стремились перебить покупателей у соперников, торговались, сбивали цены или же, наоборот, повышали их (Лейкин 1894: 3–4). Дольше всех, судя по замечаниям в прессе, «торговались купцы <...>, приобретающие елки по самой низкой цене» (Пазухин 1894: 6–7). По рынку, примериваясь и прицениваясь, сновали покупатели. Приезжали «дамы в соболях» и чиновники, приходил «рабочий люд» купить елочку «на праздник детям» (Лукаш 1965: 8). Между деревьями ходили сбитенщики, предлагая своим горячим напитком согреть замерзших покупателей. Всюду горели костры, дым стоял столбом. Знакомые места вдруг совершенно преображались, становились неузнаваемыми: здесь неожиданно вырастал настоящий лес, в котором можно было и заблудиться.

Повсюду среди елок шныряли дети, для которых в предрождественские дни елочные базары становились любимым местом гулянья, о чем сохранились многочисленные воспоминания русских писателей о рождественских переживаниях своего детства:

До ночи прогуляешь в елках (Шмелев 1988: 98).

Я до сумерек бегал в varejках и с салазками по этому лесу (Лукаш 1965: 8).

<...> Приснилось, что потерял шапку и хожу среди рождественских елок у Академии Художеств, – по еловому лесу <...>. Впрочем, елки и наяву продавались у Академии Художеств, на 4-ой линии. Мелкие, жидкие снизу, воткнутые в деревянные кресты, стояли на дровнях, другие, перевязанные мочалками, были повалены друг на друга в снег, и высились чаще большие ели, перекладыны которых были из бревен (Лукаш 1965: 10).

Бедняки покупали маленькие, дешевые, увешанные бумажными цепями елочки на деревянных крестиках, и уносили их домой под мышками. Большие елки развозились по домам на извозчиках или же разносились босяками, нанятыми за четвертак. Крупные деревья обычно несли вдвоем: один держал обструганный колом конец ствола, второй – вершину и под мышкой деревянную перекладину. «<...> Елки несли по всем улицам. Ветви плавно качались у обледенелых панелей. Снег был усеян еловыми иглами <...>. Елки шествовали во все концы, елки ехали на извозчиках» (Лукаш 1965: 10).

Елочные базары, босяки, несущие елки, дети, везущие небольшие елочки на санках, засыпанные хвоей тротуары, царящее повсюду оживление, всеобщее возбуждение – все это неузнаваемо преображало город: «Прекрасные магазины, сияющие елки, рысаки, мчавшиеся под своими синими и красными сетками, визг полозьев, праздничное оживление толпы, веселый гул окриков и разговоров, разгрянутые морозом смеющиеся лица нарядных дам...» (Куприн 1970: 269). А в окнах домов уже видны были наряженные елки, которые казались «громадной гроздью ярких, сияющих пятен» (там же).

Около залитых блеском витрин толпилась детвора, останавливались взрослые полюбоваться и прицениться. Магазины с утра и до позднего вечера были заполнены покупателями и покупательницами, выбирающими игрушки на елку, подарки, книги в затейливых переплетах, которые сотнями выпускались к празднику. «У всех было то особенное доброе, предпраздничное настроение, полное предвкушения чего-то светлого, радостного, необыкновенного. Делались покупки, и деньги на них тратились радостно...» (Потресов 1994: 212).

Судя по количеству продаваемых перед Рождеством деревьев, по информации в газетах, по фотографиям в журналах и, наконец, по литературным произведениям можно утверждать, что к рубежу XIX–XX вв. праздники елки стали проводиться в большинстве домов самых разных слоев городского населения. Сезонная елочная гетеротопия («другое место»), таким образом, расширяла свои границы, распространяясь на все пространство города, как бы поглощая его. В эти годы елка стояла в доме в течение достаточно ограниченного промежутка времени – только на Рождество, в крайнем случае – до Нового года. После этого деревья выбрасывались, и город постепенно начинал принимать свой прежний вид.

Начавшаяся война внесла серьезные коррективы в «елочную» сезонную гетеротопию рубежа веков, сузив ее и пространственно, и эмоционально, придав ей щемящую тональность и трагизм. Война как бы расколола «другое пространство», разведя людей на тыл и фронт, что особенно остро переживалось на Рождество:

Мне елка говорит о тех, кто так далек,
 Кто золотых орехов к веткам не повесил,
 Цветных свечей в сочельник не зажег,
 ...Но кто в святую ночь был чист и детски весел.
 (Лесная 1916: 845)

В центре нашего внимания не случайно оказался рубеж XIX–XX вв. Такой силы накала сезонной «праздничности», начинавшейся с продажи елок на базарах и продолжавшейся в течение всего рождественского сезона, Петербург (а вместе с ним и другие крупные российские города) не переживали больше никогда.

Сезонные гетеротопии, одна из которых рассмотрена в настоящей статье, периодически возникая в один и тот же календарный период, представляют собой такие места, которые вносят временные, но кардинальные изменения в пространство города, делая его «другим». Они меняют внешний вид города, они сказываются на деятельности и настроении его жителей, формируя специфическую ауру, присущую только данному календарному периоду, создавая особое отношение к жизни, ее ценностям и особое ее восприятие.

ЛИТЕРАТУРА

- БАХТИАРОВ, А., 1994. *Брюхо Петербурга: Очерки столичной жизни*. Санкт-Петербург: Ферт.
- БЕСТУЖЕВ (МАРЛИНСКИЙ), А., 1988. Испытание. *Ип*: БЕСТУЖЕВ (МАРЛИНСКИЙ), А. *Ночь на корабле: Повести и рассказы*. Москва: Художественная литература, 22–82.
- БУДИЩЕВ, А., б. г. В зимнюю ночь. *Ип*: *Посильная помощь: Сборник в пользу пострадавших от неурожая*. Б. м., 138.
- И. ГРЭК <БИЛИБИН, В. В.>, 1900. Святочные рассказы. *Осколки*, 1, 5.
- ГОРЯНСКИЙ, В., 1966. Перед Рождеством. *Ип*: *Поэты «Сатирикона»*. Ленинград: Советский писатель, 149.
- КУПРИН, А., 1971. Чудесный доктор. *Ип*: КУПРИН, А. *Собр. соч. в 9 т.* Т. 2. Москва: Художественная литература, 268–275.
- ЛЕЙКИН, Н., 1880. Около елок. (Сценка). *Петербургская газета*, 1, 3–4.
- ЛЕЙКИН, Н., 1894. Елки покупают. *Осколки*, 52, 3–4.
- ЛЕСНАЯ, Л. <ШПЕРЛИНГ, Л.>, 1916. Елка. *Нива*, 51, 845.
- ЛУКАШ, И., 1965. Возвращение Рождества. *Возрождение (Paris)*, 157, 8–10.
- ПАЗУХИН, А., 1894. Елки: Картинки и сценки. *Московский листок*, 358, 25 дек.
- ПЕТРОВ-ВОДКИН, К., 1970. Хлыновск. *Ип*: ПЕТРОВ-ВОДКИН, К. *Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия*. [Ленинград:] Искусство, 35–245.
- ПОТРЕСОВ, С., 1994. Рождественский рассказ (Посвящается собратьям по перу). Публ. Е. Душечкиной, Х. Барана. *Новое литературное обозрение*, 6, 212–214.
- РОЗАНОВ, В. В., 1906. *Около церковных стен. В 2 т.* Т. 1. Санкт-Петербург: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина.
- Северная пчела*, 1840, 290, 23 дек., 1.
- Северная пчела*, 1842. 4, 4 янв., 1.

- ФУКО, М., 1977. *Слова и вещи*. Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. Вступ. ст. Н. С. Автономовой. Москва: Прогресс.
- ФУКО, М., 2006. Другие пространства. *Ип*: ФУКО, М. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. Ч. 3. Пер. с фр. Б. М. Скуратова; Под общ. ред. В. П. Большакова. Москва: Праксис, 191–204.
- ШМЕЛЕВ, И., 1988. *Лето Господне*. Москва: Советская Россия.
- ШУМИХИНА, Е., 2010. Место гетеротопии в современной архитектуре. Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/construction/00242384_0.html [см. 13 08 2012].
- ХАЧАТУРОВ, С., 2012. Гетеротопия в полемике с утопией. *Arterritory.com*. Режим доступа: http://www.artterritory.com/ru/teksti/statji/1408-geterotopija_v_polemike_s_utoriej/ [см. 13 08 2012].